

* * *

лучше б ты там осталась,
в теплом барачном детстве.
суп из пакета, гречка,
выданная собесом.
помнится, вышивала,
было красиво, честно –
алое на небесном,
алое на небесном.
верно, что света много.
вот и пока ты плачешь,
сын твой мизинцем трогает
маленький одуванчик.
разве ты их не любишь?
разве тебе здесь плохо?
алое на небесном –
сердце твое, дуреха.

Похороны

1.

Дом забили, сделалась тишина. Мы стояли рядом как две
вороны.
Городские крашенные матроны. Привезли. Не надо смотреть,
не на...
Мама не приехала и жена, та другая, тоже. Дорога в лужах.
Я была беременна, неуклюжа, и от слез не видела ни хрена.
Хоронили папу. Была весна.

2.

Хоронили папу, была весна. Говорили мало, на лицах жалость.
Помянули, вздрогнули, разбежались. Пара собутыльников
да родня.

Пожалейте бедненькую меня. У меня отец дал в канаве дуба.
Мне теперь об этом годами думать. Извините, нервное.
Извинят.

Слышишь? колокола звенят.

3.

Я не знаю, где эта сторона. Там, со стороны, говорят, виднее.
Я так, к сожалению, не умею, опытным путем дохожу до дна.
Папа, я дрейфующий космонавт. У меня есть руки, да толку
мало,
У меня есть ноги – и я шагала. Дайте спину, требуется спина.
Та, что типа «каменная стена».

4.

– На.

* * *

Блестящий снег, дома и фонари.
Вода сластит солодковой микстурой.
Ты в форточку подъездную покуришь –
мальчишка пишет *дура* на двери
он женится на этой самой дуре.
А где-то там в небесном серебре
Адам напишет *дура* на ребре.

* * *

И осталось-то – горстка пыли,
Золотой, чуть звенящей взвеси.
Будто был, да и вышел весь я.
Будто сразу меня забыли,
Только ты обо мне курила,
Только ты обо мне молчала.
И на темном окне вокзала
Капли пальцем соединяла
обо мне.

* * *

Я опять забываю тексты молитв: спаси,
сохрани, забронируй место в ковчеге Ноя.
Боже, Отче наш, иже Еси на небеси...
Ну и прочее, эгоистичное там, земное.
Чтобы не было крышесносящего. Отведи
И привязанности, и страсти. Дай мне разум.
Чтобы не было больше больно в моей груди.
Никогда и ни с кем. Ты же слышишь меня? Ни разу.
Наян-Наваа*

В углублениях конских копыт застревал виноград,
Перед нами, стремительный, нес свои воды Евфрат.
Наши смуглые женщины пели: Наян-Наваа!**
И плясало горячее солнце у них в головах.
Вот рука моя тянется, чтобы нащупать края,
За которые вытяну память из небытия.
Там за гранью пиала полна молока, не пролей,
Там мой бронзовый предок, я наших монгольских кровей.
Пой, безумная, слепо кружись, разводи рукава,
Поднимай и целуй, мы уходим, Наян-Наваа!
Наша Родина – там, где народ, мы идем сквозь века.
Умирая, рождаясь из древних слоёв языка.

* * *

Женщина с остановки на Щелковской,
пьяненькая Гюльчатай,
Рожденная в солнечном Самарканде,

* По легенде после создания империи Чингисхана большая часть хоринских воинов (хори-бурят) была расквартирована со своими семьями в Ираке в местности Наян-наваа (ныне провинция Найнава, на севере страны). Это место стало для них второй родиной. Во время правления династии Минь им пришлось бежать на родину предков, в Забайкалье.

** Сохранился отрывок песни о тоске по «прекрасной Наян-Наваа» с названиями топонимов

Омытая его дождями,
Смутляночкой толстопятой
бегающая средь сестер.
Отца обнимающая первой,
руками, от халвы липкими,
с щенком лопоухим играющая,
с большими собаками за него воющая.

О девочке в тебе разве что
косички напоминали.
Таким коlobком смеющимся
каталась ты по двору.
Гадала с утра на камушках –
и если узоры сложатся,
то значит пройдет все здорово,
ты верила и ждала.

А в школе училась плохо ты,
никак не могла смириться,
зачем эта желтоволосая
опять над тобой стоит.
И в классе своем привыкла
Быть самой последней дурую,
Мальчишки смеялись глупые.
Из школы пришлось уйти.

Растили отец и бабушка.
Ты маму свою не помнила,
но как-то в ночи подслушала:
аборт неудачный был.
Вы с бабушкой и сестренками
еду по ночам готовили –
варили и плов, и машхурду,
пекли бугирсак, патир,
к вокзалам везли, ты бойкая,
ты лучше сестер справлялась и
наверное, даже счастлива
Была в те лихие дни.

Соседка-торгашка рядышком
Стояла, тебя заметила –
Нужна была ей помощница
В Москве начинать с нуля.
Сулила златые горы и
Богатого мужа прочила,
ты в ноги к отцу – и поездом
уехали с бабкой той...

Чего только не хлебнула ты
и кем только не бывала ты.
С тех пор никогда не видела
родных самаркандских мест.
А кто-то же прорывается,
но вот не сложились камушки.
Но может, еще и сложатся?
Тебе только 45.

На Щелковской ты с какими-то,
сидишь, калдырями чалишься,
а я после заведения
питейного проходя,
к тебя подошла и спрашивать.
Да кто я такая, господи.
Да что я на свете видела.
Прости меня, Гюльчатай.

* * *

О, чадо мое. О мой маленький рыжий бурят,
В твоих волосах – запах ветра степей кижингинских.
Смотри, вдалеке – пики горных синеющих гряд,
Что схожи с узором на платье моринхуристки.
И если бы в птиц мы с тобой превратиться могли,
Птенец златокрылый, то мы бы с тобою взлетели,
Любя, замирая, борясь с притяженьем земли,
Над нежной полупрозрачною акварелью,
Где синие реки и белые берега
Бегут на восток серебром каменистых кряжей,
Где темно-зеленой грустью шумит тайга,
И темно-зеленой болью на сердце ляжет.